

Отличительные характеристики организованного спасательного волонтерства в России

О. А. Башева¹ ✉А. В. Невский¹Н. С. Воронина¹П. О. Ермолаева^{1,2}С. О. Гоманова^{1,3}Ю. В. Ермолаева¹А. А. Гречаяна¹

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)

² Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация)

³ Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева (г. Москва, Российская Федерация)

✉ olgausacheva@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты первого комплексного исследования волонтерского участия в сфере спасательной работы в современной России. На основе данных, собранных в ходе онлайн-опроса добровольцев спасательных организаций, анализируются социально-демографические характеристики волонтеров, их мотивы и ценности, полученный опыт и представления о разных сторонах волонтерской и спасательной деятельности. Цель статьи – определить особенности данного типа гражданского участия.

Материалы и методы. Исследование строится на результатах массового онлайн-опроса российских волонтеров. Для анализа данных использовались методы описательной статистики: частотный анализ, таблицы сопряженности с применением критерия χ^2 (в частности, для описания социально-демографического портрета волонтеров, их наиболее частых практик, а также для выявления мотивационной структуры); для определения ценностной структуры волонтеров-спасателей была применена методика ценностного портретника Ш. Шварца, а также сравнение средних значений. Анализ предикторов вероятности прекращения волонтерской деятельности проводился посредством процедуры бинарной логистической регрессии.

Результаты исследования. Определено, что волонтеры в сфере спасательной работы обладают особыми характеристиками и демонстрируют специфические паттерны организационного участия. Выделены высокий социальный статус волонтеров, предполагающий положение в профессиональной иерархии не ниже уровня специалистов среднего и высшего звена, наличие высшего образования, доход выше среднего по стране, наличие семьи и детей, владение личным транспортом. Исследование показало высокую значимость организации для продолжения участия и самоидентификации волонтеров. Основным предиктором прекращения волонтерской деятельности становятся конфликты внутри сообщества, но значимы и другие причины выхода (снижение уровня доходов, причины, связанные с семейными обстоятельствами и изменением сферы интересов).

Обсуждение и заключение. Исследование показало проблематичность концептуального разделения коллективного и рефлексивного стиля участия в спасательном волонтерстве, выявило необходимость дальнейшего изучения значимости организационного фактора в построении профессиональной и моральной карьеры волонтера-спасателя посредством проведения диахронного анализа вступления и продолжения волонтерского участия и анализа качественных данных об участии в спасательных организациях. Полученные результаты могут быть использованы добровольческими организациями и государственными службами спасения для вовлечения волонтеров в сферу спасательной работы, разработки мер по усилению мотивации уже задействованных добровольцев, подготовки регламентов и рекомендаций по взаимодействию волонтеров с официальными службами.

Ключевые слова: добровольческие поисково-спасательные отряды, мотивационная и ценностная структуры добровольных спасателей, профессионализация волонтерской работы, спасательное волонтерство, социально-демографический портрет волонтера-спасателя, причины выхода из спасательного волонтерства, самоидентификация волонтеров

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», поддержанного РНФ (грант № 19-78-10052).

Для цитирования: Отличительные характеристики организованного спасательного волонтерства в России / О. А. Башева [и др.] // Регионология. 2023. Т. 31, № 3. С. 564–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.564-583>

Original article

Distinctive Features of Organized Rescue Volunteering in Russia

O. A. Basheva^a ✉, A. V. Nevsky^a, N. S. Voronina^a, P. O. Ermolaeva^{a,b},
S. O. Gomanova^{a,c}, Yu. V. Ermolaeva^a, A. A. Grechanaya^a

^a Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

^b Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

^c Mendeleev University of Chemical Technology (Moscow, Russian Federation)

✉ olgausacheva@yandex.ru

Abstract

Introduction. This article presents the results of the first comprehensive study on volunteer participation in the field of rescue work in modern Russia. The study utilized data collected through an online survey of volunteers from rescue organizations to examine the socio-demographic characteristics of volunteers, their motives and values, the experiences they gained, and their perspectives on various aspects of volunteering and rescue activities. The objective of this study is to identify the distinct features of civic participation in this field.

Materials and Methods. The study has relied on the findings of a large-scale online survey of Russian volunteers. Descriptive statistical methods were employed to analyze the data, including frequency analysis and contingency tables using the Chi-square criterion. These methods were particularly useful in characterizing the socio-demographic profile of volunteers, their most common practices, and their motivational structure. Additionally, the method of value portraiture by S. Schwartz was

used to identify the value structure of rescue volunteers, while a comparison of average values was conducted. To investigate the predictors of volunteer activity termination, the study applied binary logistic regression procedures.

Results. The study has identified several characteristics of volunteers in the field of rescue work. Volunteers tend to have a higher social status, holding positions in the professional hierarchy comparable to mid- and top-level specialists. They also tend to have a university degree, an above-average income, a family, children, and personal transportation. The study has also found that the organization plays a significant role in the continued participation and self-identification of volunteers. Conflicts within the community emerge as the primary predictor of volunteer disengagement, along with factors such as income decrease, family circumstances, and changes in personal interests.

Discussion and Conclusion. The study has highlighted the challenge of distinguishing between collective and reflexive styles of participation in rescue volunteering. Further research is needed to understand the role of the organizational factor in shaping the professional and moral development of rescue volunteers, by analyzing entry into and continuation of volunteer participation over time, as well as exploring qualitative data on participation in rescue organizations. Practically, the findings presented in this article can be utilized by volunteer and rescue organizations to engage volunteers in rescue work, enhance motivation among existing volunteers, and establish guidelines and recommendations for collaboration between volunteers and official services.

Keywords: volunteer search and rescue teams, motivation and value structures of volunteer rescuers, professionalization of volunteer work, rescue volunteering, social and demographic profile of rescue volunteers, reasons for discontinuing rescue volunteering, self-identification of volunteers

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The study was carried out within the framework of the project “Emergency volunteering as a reply to the natural and technological challenges in Russia” and supported by the Russian Science Foundation (grant No. 19-78-10052).

For citation: Basheva O.A., Nevsky A.V., Voronina N.S., et al. Distinctive Features of Organized Rescue Volunteering in Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):564–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.564-583>

Введение. Подъем волонтерского движения в сфере спасательной работы в России произошел в начале 2010-х гг. и являлся общественной реакцией на крупномасштабные стихийные бедствия и резонансные случаи пропажи людей. Начавшись как спонтанное движение, спасательное волонтерство приобрело организованные формы и стало профессионализироваться; начали налаживаться взаимодействия с государственными службами спасения. Сейчас движение насчитывает около 370 организаций и объединений. В среднем в них состоит несколько десятков постоянно действующих членов [1]. Большая часть – это поисково-спасательные отряды. Встречаются объединения, занимающиеся спасением животных, помощью аварийно-спасательным командам, пожарным и работникам «скорой»; значительная часть добровольцев участвует в ликвидации природных пожаров.

Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить особенности организованного спасательного волонтерства. Волонтерство в сфере чрезвычайных ситуаций подробно описано в зарубежных исследованиях. Его основные характеристики – постоянное обучение, приобретение новых знаний и навыков, внедрение и использование передовых технологий спасательной работы. Сами волонтеры – чаще всего работающие профессионалы старше 30 лет; для многих из них волонтерство – значимая часть жизни и профессиональной деятельности, которой посвящается много времени. В то же время в России, как в общественном восприятии, так и в научных исследованиях, волонтерство

часто рассматривается как эпизодическое действие, являющееся формой досуга или карьерного продвижения у молодежи. Описание социального портрета российского добровольного спасателя, его мотиваций и особенностей организационного участия позволит восполнить этот пробел. Также следует обратить внимание на разницу между институциональными условиями добровольной спасательной работы в России и за рубежом. Если во многих западных странах волонтеры составляют значительную долю работников спасательных служб, интегрированы в организации, обладают полномочиями штатных спасателей и получают компенсацию за свою деятельность, то в России сотрудничество волонтеров и государственных служб спасения основано преимущественно на инициативе со стороны самих волонтеров. Сфера спасательной работы является прерогативой государственных служб, а законодательство, регулирующее взаимодействие волонтеров и государства, развито слабо. Мы предполагаем, что паттерны волонтерского участия в России будут в значительной степени отличаться от тех, что описаны в зарубежных исследованиях.

Обзор литературы. Возможность единого определения волонтерства в последние десятилетия подвергается критике со стороны исследователей [2; 3], а консенсус сложился вокруг практики выделения его отдельных характеристик волонтерской деятельности¹. Вслед за М. Снайдером и А. Омото мы понимаем волонтерство как свободно выбранную, длящуюся во времени и преднамеренную деятельность по оказанию помощи нуждающимся в ней, которая осуществляется без ожидания вознаграждения или другого типа компенсации и часто через формальные организации [4, p. 3].

Теоретические модели в социологии волонтерства обычно объясняют предпосылки начала волонтерской деятельности [5]. Так, ресурсные модели основываются на социально-демографических характеристиках индивидов. Согласно модели доминантного статуса Д. Х. Смита, на вероятность начала волонтерской деятельности влияют образование, доход, социальные связи и вовлеченность в деятельность других организаций². Более поздние исследования волонтерства используют идею Р. Инглхарта, согласно которой, по мере развития общества происходит переход от материалистических ценностей (где значимы благосостояние и безопасность) к постматериалистическим (где подчеркивается важность таких ценностей как саморазвитие) [2]. Более релевантным для понимания волонтерского участия нам представляется подход Л. Хастинкс, основанный на специфике индивидуальных биографий. В нем выделяются два идеальных типа волонтерского участия – коллективный и рефлексивный [6]. Коллективный предполагает устойчивую самоидентификацию участника со своей территориальной или профессиональной общностью и участие в работе на благо сообщества. Рефлексивный стиль характеризуется ориентацией на построение индивидуальной биографии, обретение новых навыков; для таких волонтеров

¹ Cnaan R. A., Handy F., Wadsworth M. Defining who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1995. Vol. 25, no. 3. Pp. 364–383. <https://doi.org/10.1177/0899764096253006>

² Smith D. H. Determinants of Voluntary Association Participation and Volunteering: A Literature Review // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1994. Vol. 23, no. 3. Pp. 243–263. <https://doi.org/10.1177/089976409402300305>

коллективный опыт и взгляды часто важнее, чем принадлежность к территориальной общности. Большим объяснительным потенциалом здесь обладает одна из ключевых характеристик, заложенных в гипотезе рефлексивной модернизации У. Бека – автономизация индивида и расширение горизонта индивидуальных выборов [7]. Именно автономность и широта выбора в противоположность коллективному контролю являются определяющими для различения этих двух типов. Использование представленных теоретических подходов позволяет выявить тип волонтера, характерный для рассматриваемой нами сферы. Полученные данные о самоидентификации волонтеров и паттернах их организационного участия позволяют критически рассмотреть дихотомию коллективного и рефлексивного стиля, а анализ ценностей и мотиваций обнаруживает значительные сходства с выделенными авторами данного подхода предпосылками участия³ [8].

Последовательность изложения результатов исследования соответствует процессуальной модели волонтерства А. Омото и М. Снайдера⁴. Модель представляет собой трехчастную структуру, логически повторяющую процесс волонтерского участия и включает в себя: а) предпосылки для начала волонтерской деятельности; б) процесс участия, включающий паттерны и опыт волонтерства; в) эффекты, которые волонтерство оказывает на участников процесса.

Учитывая указанные выше подходы и специфику исследуемой группы, мы добавили в нашу версию процессуальной модели следующие факторы. В качестве предпосылок участия мы рассматриваем уровень образования, профессию, личный доход, семейное положение, а также мотивы участия и ценности волонтеров. Говоря о процессе волонтерского участия, мы описываем некоторые особенности организационной работы, степень вовлеченности и самоидентификацию волонтеров: их отношение к своей деятельности, к другим участникам сферы спасательной работы, представления о специфике и значимости своего труда. Эффекты волонтерства, которые мы выделяем, относятся к росту человеческого капитала, проявляющегося в наращивании навыков, компетенций и знаний. Используя эти же показатели, мы рассматриваем основные причины прекращения волонтерской деятельности. Последующие разделы статьи представлены в соответствии с данной моделью.

Материалы и методы. В статье представлены результаты онлайн-опроса постоянных участников волонтерских организаций, действующих в чрезвычайных ситуациях, проводившегося в январе – марте 2021 г. Организации, подходящие под критерии исследования, были выявлены в результате онлайн-мониторинга волонтерских организаций, входящих в реестр некоммерческих организаций или заявляющих о себе как о добровольных ассоциациях граждан. Наше внимание было сконцентрировано на низовых гражданских инициативах, поэтому в исследование не были включены «ведомственные» организации, такие как Российский союз спасателей или Всероссийское добровольное пожарное

³ Volunteer Work, Informal Learning and Social Action / ed. by F. Duguid, K. Mundel, D. Schugurensky. Rotterdam : Sense Publishers, 2013. Pp. 62–78. <https://doi.org/10.1007/978-94-6209-233-4>

⁴ Omoto A. M., Snyder M. Basic Research in Action: Volunteerism and Society's Response to AIDS // Personality and Social Psychology Bulletin. 1990. Vol. 16, no. 1. Pp. 152–165. <https://doi.org/10.1177/0146167290161011>

общество. Для поиска респондентов была проведена рассылка по официальным контактам организаций, также мы обратились к главам организаций с просьбой распространить анкету среди участников. В итоге в опросе приняли участие 319 волонтеров следующих организаций: «ЛизаАлерт», «Экстремум», «Запад», «Отклик», «СпасРезерв», «Волонтер», «Партизан», «Поиск 71», «ДоброСпас», «Легион-Спас», «Добровольные лесные пожарные» и др. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. География опроса охватывает 86 населенных пунктов из 40 регионов. Больше всего среди респондентов жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Москвы и Московской области, Калининградской, Ярославской областей и Красноярского края.

Для анализа данных использовались методы описательной статистики: частотный анализ, таблицы сопряженности с применением критерия χ^2 (в частности для описания социально-демографического портрета волонтеров, их наиболее частых практик, а также для выявления мотивационной структуры), для определения ценностной структуры волонтеров-спасателей была использована методика ценностного портретника Ш. Шварца, а также сравнение средних значений. Для анализа предикторов вероятности прекращения волонтерской деятельности нами была применена процедура бинарной логистической регрессии.

Результаты исследования. *Предпосылки волонтерского участия. Социально-демографический портрет волонтера-спасателя.* Как показали результаты нашего опроса, российский добровольный спасатель – это человек, стоящий на довольно высокой ступени социальной лестницы: обычно это работающий специалист с высшим образованием, часто занятый в престижной профессии и имеющий заработок выше среднего, состоящий в браке, имеющий в собственности автомобиль. Приведенный список социально-демографических характеристик свидетельствует о значительном сходстве данной группы с группой российских специалистов высшей квалификации [9]. Концентрация представителей этой группы заметна в основном в столицах и центрах субъектов Федерации, как и группы добровольных спасателей: 38,2 % из них – жители Москвы и Санкт-Петербурга, а еще 26,0 % – областных центров. Одними из классообразующих признаков специалистов выделяют знания и навыки как особые виды собственности⁵ [10]. Важными активами являются и физиологические ресурсы индивидов, определяемые социально-демографическими характеристиками (прежде всего возрастом и полом) [9].

Возрастные рамки спасательного волонтерства показывают, что в этом направлении заняты люди старше 30 лет (их 80 %). Средний возраст в спасательных организациях выше, чем среди волонтеров других направлений [1, с. 12]. Вход в волонтерство у спасателей происходит в более зрелом возрасте. В целом в этой группе наблюдается гендерный баланс (48,8 % женщин против 51,2 % мужчин), но со смещением в сторону увеличения доли мужчин по мере увеличения возраста волонтеров.

В числе других особенностей – распространенность высшего образования. Если в среднем по стране его получили менее трети россиян⁶, то среди добровольных

⁵ Wright E. O. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge University Press, 1997.

⁶ Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н. В. Бондаренко [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2019. С. 22.

спасателей таких более половины (53,2 %). Профиль их образования чаще связан с точными науками: 29,4 % отметили инженерное дело и технологии, 12,5 % – математические и естественные науки.

Подавляющее большинство добровольных спасателей – работающие люди (86,6 %). Среди них преобладают высококвалифицированные кадры. Доля служащих и специалистов – 38,2 %, руководителей среднего звена – 16,4, высшего звена – 7,3, предпринимателей – 5,9. Часто они заняты в промышленности и энергетике (18,4 %), в сфере информационных технологий (10,8 %).

Навыки, полученные в ходе образовательного процесса и профессиональной деятельности, являются ценным ресурсом и в рамках волонтерской работы, их используют 70,4 % респондентов. Чаще всего они связаны с оказанием медицинской помощи и знаниями в области информационных технологий. Последние позволяют разрабатывать и внедрять в спасательную работу новые технические средства: навигационные и мониторинговые системы, базы данных, радиосвязь, беспилотные летательные аппараты и т. д. Использование специальных технологий является особенностью этого направления волонтерства, однако требует значительных ресурсов. Волонтеров-спасателей отличает довольно высокий уровень дохода. Ежемесячный доход 4 из 10 волонтеров выше среднего по стране: 41,2 % зарабатывают выше 50 тыс. руб., а выше 100 тыс. руб. получают 11,6 %. Показательным является и объем личных финансовых вложений в свою добровольческую деятельность: почти четверть респондентов (24,4 %) тратят от 11 до 20 % своего дохода на волонтерство, а еще 14,8 % – до 30 % (среди волонтеров других направлений таких в два раза меньше).

У большинства есть личный транспорт (63,9 %), что в целом вписывается в общероссийский контекст: 67 % семей в 2018 г. имели автомобили⁷. Однако если сравнивать с добровольцами других направлений, где доля имеющих личный автотранспорт составляет лишь 22,2 % [1, с. 22], то очевидно, что этот показатель скорее отражает специфику спасательного волонтерства.

Важным предиктором участия оказывается и семейное положение: 62,4 % состоят в зарегистрированном или незарегистрированном браке, у 60,3 % есть дети.

Таким образом, наши респонденты представляют собой группу, по характеристикам схожую с теми социальными слоями, которые анализируются в исследованиях У. Бека, Л. Хастинкс и Р. Инглхарта. Для представителей этого слоя характерны высокий уровень автономности в принятии решений, широкий кругозор, а также постматериалистические ценности.

Причины начала волонтерской деятельности. Для выявления возможных причин участия в спасательном волонтерстве на качественном этапе исследования нами была проведена процедура кодирования интервью с волонтерами, полученные причины были заложены в анкету массового опроса. В таблице представлена иерархия мотивов волонтеров. Вопрос задавался таким образом, что необходимо было оценить степень важности перечисленных причин участия по пятибалльной шкале, где 1 – означало «совсем не важно», а 5 – «очень

⁷ День без автомобиля: исключение или правило? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 28.09.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/den-bez-avtomobilya-isklyuchenie-ili-pravilo> (дата обращения: 18.02.2023).

важно». Для снижения размерности данных и более удобной интерпретации мы объединили крайние позиции шкал 1 и 2 в неважные, 3 – в мотивы средней важности, 4 и 5 в важные мотивы, получив трехбалльную шкалу.

Наиболее важными оказались мотивы саморазвития, расширения знаний и навыков (89,8 %) и их применения (83,4 %). Затем следуют мотивы, которые можно отнести к альтруистическим («я могу делиться имеющимся у меня опытом» (77,9 %), «я могу безвозмездно помогать людям» (75,6 %)). Следующую группу мотивов можно обозначить как социальную, характеризующуюся стремлением к общению с интересными людьми (73,6 %), расширению круга общения (64,9 %). После идут гедонистические мотивы («интересно проводить время» (71,7 %), «делать то, что хочется» (66,7 %)). Еще одна группа – это карьерные мотивы («находить полезные контакты» (39,7 %) и «обретение возможностей стать профессиональным спасателем» (36,5 %)). Предпоследнее место по степени важности занимает группа мотивов, относящихся к психологической защите от своих проблем (например, уход от одиночества (19,0 %)). Наименее выраженными стали мотивы, отражающие выгоду для резюме (6,3 %), а также получение различных социальных бонусов (3,1 %).

Т а б л и ц а. Иерархия мотивов добровольных спасателей по степени важности, %⁸

Table. Hierarchy of motives of rescue volunteers in terms of importance, %

Мотив / Motive	Важно / Important	Средняя важность / Medium importance	Не важно / No importance
1	2	3	4
Я приобретаю новые навыки и знания, становлюсь лучше, расширяю кругозор / I acquire new skills and knowledge, become better, broaden my horizons	89,8	8,6	1,7
Я могу применять уже имеющиеся у меня навыки и знания / I can apply the skills and knowledge	83,4	9,6	6,9
Я вижу результат своей деятельности / I see the result of my activity	81,4	9,9	8,6
Я могу делиться имеющимся у меня опытом / I can share my experience	77,9	12,5	9,5
Я могу безвозмездно помогать людям / I can help people for free	75,6	12,5	11,9
Я могу общаться с интересными людьми / I can communicate with interesting people	73,6	15,7	10,8
Я могу интересно проводить время / I can have fun	71,2	18,0	10,9
Я могу делать то, что мне хочется / I can do what I want	66,7	12,5	20,8
Я расширяю круг своего общения / I'm expanding my social circle	64,9	18,9	16,2
Я могу улучшить жизнь в своем городе / I can improve life in my city	64,6	18,2	17,2
Я провожу время в кругу друзей и единомышленников / I spend time with friends and like-minded people	62,5	20,1	17,4

⁸ Таблица составлена авторами на основе данных онлайн-опроса волонтеров, проведенного в январе – марте 2021 г. (n = 319).

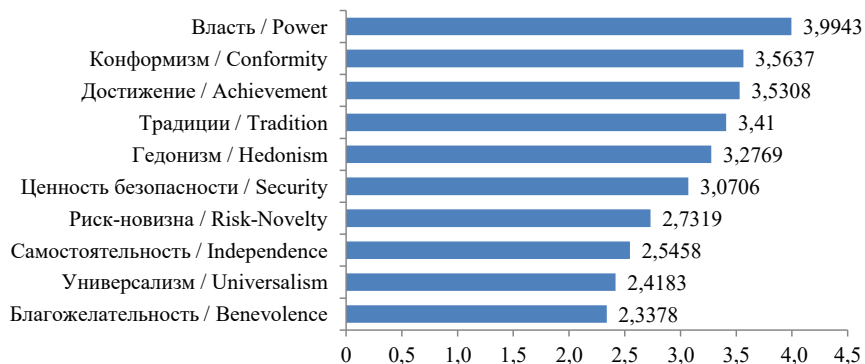

Окончание табл. / End of table

1	2	3	4
У меня есть возможность влиять на ситуацию в обществе, менять ее к лучшему / I have the opportunity to influence the situation in society, change it for the better	61,7	13,2	25,1
Я занимаюсь волонтерством как хобби / I volunteer as a hobby	58,5	21,1	20,4
Я чувствую себя хорошим человеком / I feel like a good person	54,3	18,3	27,4
Я могу держать себя в хорошей физической форме / I can keep myself in good physical shape	54,2	20,1	25,8
Я могу реализовать свои идеи / I can realize my ideas	47,3	22,8	29,9
Я могу заботиться о природе / I can take care of nature	46,6	17,8	35,6
Я чувствую, что делаю то, что без меня никто не сделает / I feel like I'm doing what no one would do without me	46,5	25,1	28,5
Здесь я чувствую комфорт, доверие и безопасность / Here I feel comfort, trust and safety	46,1	23,6	30,3
Я могу находить здесь полезные контакты / I can find useful contacts here	39,7	18,5	41,8
Этот опыт даст мне возможность стать профессионалом в той области, в которой я сейчас выполняю работу добровольно / This experience will give me the opportunity to become a professional in the field in which I currently work voluntarily	36,5	10,0	53,5
Я могу путешествовать / I can travel	28,6	18,6	52,9
Я могу «отдать долг» за когда-то оказанную мне безвозмездно помощь / I can "repay a debt" for the help that was once rendered to me free of charge	27,3	14,9	57,8
Я получаю уважение окружающих / I get the respect of others	27,3	17,2	55,6
Здесь я могу не думать о своих проблемах / Here I can stop thinking about my problems	25,7	17,1	57,2
Я получаю доступ к нужной мне информации / I get access to the information I need	23,9	18,2	57,9
У меня много свободного времени / I have a lot of free time	23,6	26,9	49,5
Я чувствую себя героем / I feel like a hero	20,6	16,6	62,9
Я могу уйти от одиночества / I can get away from loneliness	19,0	12,2	68,8
Я могу защитить свои права / I can defend my rights	17,5	14,4	68,0
Я участвую «за компанию» со своими близкими или друзьями / на меня оказали влияние знакомые волонтеры / I participate "for the company" with my relatives or friends / I was influenced by familiar volunteers	13,9	15,9	70,1
Волонтерство необходимо мне для моего резюме / I need volunteering for my resume	6,3	3,0	90,8
Я получаю различные социальные бонусы / I receive various social bonuses	3,1	2,8	94,1

Причины вхождения в волонтерство исследователи рассматривают через взаимосвязанную структуру мотиваций и ценностей⁹. Для выявления ценностной структуры волонтеров-спасателей была использована методика ценностного портретника Ш. Шварца, где по 6-балльной шкале предлагалось оценить свою степень похожести на человека с определенными ценностями (1 означает «очень похож», 6 – «совсем не похож»). 21 переменная была преобразована в 10 базовых ценностей, затем были подсчитаны средние значения (чем меньше значение, тем более выражена ценность) (рис. 1).

Р и с. 1. Ценностная структура добровольных спасателей¹⁰

F i g. 1. Value Structure of rescue volunteers

Как видно из результатов анализа, ценности волонтеров носят более выраженный альтруистический характер, направленность на заботу других. Первые места занимают ценности благожелательности и универсализма. Далее следуют ценности самостоятельности и риска-новизны, что образует ось «открытости изменениям». Они носят более индивидуалистический характер: направленность на получение удовольствия, стремление попробовать новое в жизни. Ценности, которые образуют оси «сохранения» (конформность, традиция и безопасность) и «самоутверждения» (власть, достижение и гедонизм) наименее выражены.

Данные ценности согласуются с наименее выраженными мотивами, полученными нами у волонтеров общественной безопасности, а именно: достижения социальных бонусов и плюсов к резюме. Если рассматривать полученные результаты с позиций, изложенных Л. Хастингс и Ф. Ламертин, то получается, что наши данные подтверждают и описанную ими тенденцию к смешению разных типов мотиваций: мотивы рефлексивного типа (личное саморазвитие) сочетаются с коллективными (альтруизм, чувство долга, желание сделать мир лучше для других). Если смотреть на результаты сквозь призму теории Инглхарта, полученные иерархии мотивов и ценностей свидетельствуют о том, что у российских добровольных спасателей преобладают постматериалистические

⁹ Calcutt B. Valuing Volunteers: Better Understanding the Primary Motives for Volunteering in Australian Emergency Services. University of Wollongong School of Management, Operations, and Marketing, 2019.

¹⁰ Рисунок составлен авторами на основе данных онлайн-опроса волонтеров, проведенного в январе – марте 2021 г. (n = 319).

ценности. Рассматривая полученный социально-демографический портрет как объективные показатели участия в волонтерской деятельности, а ценности и мотивацию – как субъективные, можно констатировать, что результаты по ним согласуются, так как и те, и другие данные подтверждают тезис о том, что у волонтеров общественной безопасности удовлетворены базовые потребности, что дает им стимул заниматься волонтерством.

Особенности участия и самоидентификация добровольных спасателей. Организационная вовлеченность добровольных спасателей. Говоря о процессе волонтерского участия, мы выделяем два основных сюжета: паттерны участия в организациях и особенности самоидентификации участника как волонтера, спасателя и члена организации. Организационные паттерны важны потому, что членство, приверженность целям и ценностям организации, а также продолжительность участия являются одними из наиболее дискуссионных вопросов в предложенной дихотомии коллективного/рефлексивного стиля волонтерства. Также нельзя обойти вниманием те изменения, которые происходят с волонтером в процессе участия: он начинает идентифицировать себя со своей организацией и видом деятельности, что влияет на его оценки в отношении других акторов [11, с. 195].

Добровольческие спасательные организации часто представляют собой сложные структуры; для них характерно внутреннее разделение труда, связанное с разными видами спасательной деятельности. Наше исследование показало две ключевые тенденции: во-первых, формирование устойчивых ролей, связанных с определенными типами волонтерской деятельности, во-вторых, значительно большая, по сравнению с другими видами волонтерства, приверженность волонтерской деятельности в сфере спасательной работы, о которой можно судить по временным затратам на участие.

Наиболее часто встречающимся видом спасательных работ для наших респондентов является поиск пропавших людей в природной среде (28,3 %) и населенных пунктах (20,4 %), далее следует оказание помощи при ДТП (8,9 %), спасение животных (8,8 %), тушение лесных пожаров (6,5 %), помощь медикам в период пандемии COVID-19 (5,5 %), а также тушение пожаров в городских условиях (5,0 %). Разделение ролей внутри спасательных организаций выглядит следующим образом: большинство респондентов (70,0 %) отнесли себя к категории «участник поисковых работ», 38,3 % также выбрали категорию «спасатель», 18,6 % – «пожарный». Кроме того, 30,5 % опрошенных указали, что оказывают информационную поддержку (осуществляют прием звонков, координируют спасательные работы), 15,5 % – психологическую поддержку, 13,5 % – гуманитарную помощь.

Исследование показало значительные ресурсные затраты на волонтерство, особенно для категорий «спасатель» и «пожарный». Одним из показателей затрат мы считаем наличие аттестации на право проведения спасательных работ, которая предполагает обучение профессии спасателя, а также регулярное участие в аварийно-спасательных работах. Если в целом 47,5 % респондентов имеют аттестацию, позволяющую участвовать в спасательной работе, то среди выделенных категорий таких 57,7 %¹¹. Кроме того, существует тенденция к освоению

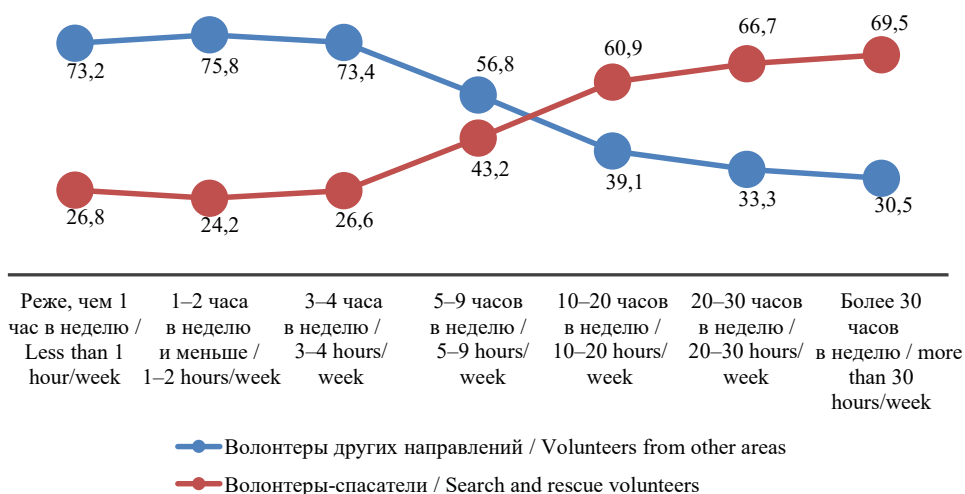
¹¹ $p \leq 0,001$.

различных технических навыков для того, чтобы полноценно участвовать в волонтерской деятельности. 24,2 % опрошенных указали, что в дальнейшем хотят профессионально заниматься тем, что сейчас делают на добровольных началах.

Интерес также представляет роль гендера во внутриорганизационном разделении ролей. Данные нашего исследования показывают, что в спасательных организациях женщины чаще оказываются занятыми в труде, связанном с информационным и коммуникационным сопровождением поисково-спасательных работ, рутинном освещении деятельности организации в соцсетях, оказании психологической помощи. Мужчины же чаще выступают в роли спасателя и пожарного. Так, спасателями и пожарными, не занятыми в координирующей и психологической работе, назвали себя 39,8 % от общего числа респондентов, из них женщины – 30,2 %, а мужчины – 69,8 %. Противоположному паттерну участия, категории «координатор/инфорг, не являющийся пожарным или спасателем» соответствуют всего 14,7 % опрошенных, из них 79,5 % женщин и 20,5 % мужчин.

Вторая тенденция связана со значительными временными затратами на волонтерскую деятельность. Сравнительное исследование разных типов волонтеров, проведенное нами ранее, показало, что добровольные спасатели в среднем тратят больше времени в неделю на волонтерскую деятельность, чем добровольцы других направлений [1, с. 21]. Среди волонтеров, тратящих менее одного часа в неделю, 26,8 % спасателей и 73,2 % волонтеров других направлений, а среди тех, кто тратит 30 и более часов в неделю, соотношение обратное – 69,5 % спасателей против 30,5 % волонтеров прочих направлений. Эта тенденция может быть связана с особенностями работы добровольных спасателей, для которой характерны длительные поисково-спасательные работы или суточные добровольные дежурства в больницах, пожарных частях и т. д. (рис. 2).

Р и с. 2. Временные затраты на волонтерство, %¹²
 F i g. 2. Time spent on volunteering, %

¹² Рисунки 2 и 3 составлены авторами на основе данных онлайн-опроса волонтеров, проведенного в январе – марте 2021 г. (n = 1 070).

Организационная вовлеченность подтверждается также переменами в структуре социальных связей, которые выражаются в изменении круга общения с момента вступления в волонтерство. Для волонтеров в сфере спасательной работы изменения круга общения по сравнению с волонтерством в других направлениях более заметны (рис. 3).

Р и с. 3. Изменение круга общения волонтеров, % от числа выборов
F i g. 3. Change in volunteers' social circle, % of elections number

В контексте предложенного концептуального разделения на коллективный и рефлексивный стили волонтерства, в котором последний характеризуется меньшей организационной вовлеченностью и частой сменой направлений деятельности, следует отметить противоречивую тенденцию. С одной стороны, российские добровольные спасатели в основном принадлежат к когорте специалистов, имеющих высшее образование и ориентированных на получение новых навыков и саморазвитие. С другой стороны, паттерны организационного участия указывают на значительную организационную вовлеченность и затраты, несмотря на относительную слабость коллективного контроля за участием и значительную свободу выбора.

Идентификация с волонтерским сообществом. Мы рассматриваем идентификацию добровольных спасателей в процесс, определяющийся через самопонимание (представления о себе, в том числе через оценку себя глазами «других») и взаимодействие и сравнение с другими группами – участниками реагирования на чрезвычайные ситуации¹³. При этом центральную роль в формировании идентичности добровольного спасателя мы отводим пониманию себя как члена

¹³ Beher K., Liebig R., Rauschenbach T. Strukturwandel des Ehrenamtes. Gemeinwohlorientierung im Modernisierungsprozess. Weinheim, 2000. P. 8–10.

сообщества¹⁴. Полученные нами данные продемонстрировали значимость ряда факторов для самоидентификации волонтера. Это членство и опыт участия в организации, включая процесс непрерывного обучения, использование новаторских технологий, восприятие рискованности своей работы, позитивная оценка взаимодействия с другими участниками реагирования на чрезвычайные ситуации и реципиентами помощи, а также доверие волонтеров к ним или с их стороны.

Групповая самооценка респондентов сформирована на основе представлений об обобщенных характеристиках члена сообщества: волонтеры считают себя стрессоустойчивыми (это отметили 72,7 % респондентов), умеющими находить общий язык с людьми и работать в команде (71,2 %), желающими помогать (61,4 %), физически здоровыми (60,5 %), обладающими специальными навыками и знаниями (59,6 %), а также понимающими цель участия в спасательной деятельности (58,0 %); практически каждый второй отметил необходимость иметь активную гражданскую позицию (44,5 %). 59,6 % организованных добровольных спасателей считают, что их волонтерская работа сопряжена с риском для жизни и здоровья.

Представители организованного спасательного добровольчества склонны позитивно оценивать отношение окружающих к их деятельности: не ниже 4 из 5 баллов. При этом 42,3 % волонтеров считают, что люди часто не понимают, чем они отличаются от сотрудников штатных служб.

Среди всех участников сферы спасательной работы наиболее эффективное взаимодействие добровольцы отмечают с профессиональными службами спасения – на 3,7 баллов из 5, при этом доверие МЧС получило наивысшую оценку среди других групп (4 из 5 баллов), и эту группу мы определяем как референтную для наших респондентов. Сравнение с ней дает представления о том, как оценивают свой потенциал добровольцы в сфере спасательной работы. Так, описывая свои преимущества, они чаще всего отмечали более гибкие действия вне жестко закрепленных протоколов (60,5 %), неформальный подход к работе (48,6 %) и наличие уникальных знаний и тактик (48,0 %). Реже среди достоинств были указаны скорость реагирования, включая координацию сил на местах (42,0 %), наличие знаний «с места» (29,0 %) и необходимого оборудования (24,5 %), понимание потребностей пострадавших (19,0 %), возможность использовать разные источники финансирования (22,6 %). А проигрывают официальным службам волонтерские организации, по мнению их участников, из-за отсутствия постоянного финансирования (73,0 %) и недостаточного количества свободного времени и нехватки людей (61,4 и 60,8 %, соответственно). Чуть более 40,0 % респондентов отметили ограничения допуска в зону чрезвычайных ситуаций, связанные с законодательными барьерами, а почти каждый третий обозначил нехватку опыта, знаний и навыков.

Таким образом, организованные волонтеры-спасатели идентифицируют себя в качестве представителей технологически оснащенного сообщества, являющегося коллективным носителем уникальных навыков и знаний, способного действовать (и действующего) наравне и совместно с профессиональными спасателями, при

¹⁴ Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. Pp. 1–39.

этом гибче и с более глубоким пониманием потребностей местных сообществ за счет близости к населению.

Эффекты волонтерства. Развитие навыков и профессионализация спасательного волонтерства. В качестве ключевых эффектов волонтерства мы рассматриваем рост человеческого капитала: знаний, навыков, а также возможные изменения карьерных траекторий. Большая часть работы добровольных спасателей связана с использованием различных технологий: от поисковых, предполагающих координацию действий большого количества людей в природной или городской среде, и медицинских, до цифровых, связанных с использованием специального программного обеспечения, а также различного оборудования. Для большинства наших респондентов освоение этих технологий связано исключительно с волонтерством: например, учиться работе со специальным оборудованием для участия в спасательных операциях пришлось 75,9 % опрошенных, 7,8 % освоили управление транспортным средством. Реализация перечисленных навыков на практике предполагает предварительное обучение. А возможность применить имеющиеся и приобрести новые навыки рассматривается волонтерами не только как необходимость, но и как поощрение или стимул для участия: 47,2 % респондентов отметили возможность участвовать в обучающих семинарах как бонус волонтерства; для 45,2 % желание как-то применить свои знания и навыки стало стимулом впервые поучаствовать в спасательной деятельности, а 36,0 % сделали это из-за желания освоить новые навыки.

Несмотря на то, что волонтерство, основанное на приобретении навыков, чаще рассматривается как база для будущей профессиональной деятельности [12], российское спасательное добровольчество нельзя отнести к *pro bono* волонтерству или к промежуточному этапу на пути к дальнейшей профессионализации. Для большинства респондентов обретение новых навыков связано с личностным саморазвитием, что также относит данный тип волонтеров к представителям рефлексивного стиля.

Предикторы удержания и выхода из волонтерства в чрезвычайных ситуациях. В перспективе ближайших 3–5 лет 97,7 % респондентов планируют продолжать участие в спасательном волонтерстве, и, тем не менее, 40,6 % когда-либо хотели прекратить или прекращали волонтерскую работу.

Для анализа предикторов вероятности прекращения волонтерской деятельности нами была применена бинарная логистическая регрессия. В качестве независимых переменных выступили: 1) конфликты внутри волонтерского сообщества; 2) знания и опыт. Выбор данных переменных был обусловлен западными исследованиями [13; 14], а также данными проведенных нами ранее глубинных интервью [15; 16], которые было важно проверить через количественные методики. В итоге в качестве основных нами были выбраны две гипотезы: 1) конфликты внутри волонтерского сообщества напрямую влияют на намерение добровольцев прекратить свою деятельность; 2) чем меньше знаний и опыта у волонтеров при присоединении к добровольческой группе, тем реже они хотят «выйти» из волонтерской деятельности. Мы связываем это с непродолжительной длительностью их участия в волонтерской организации в отличие от тех, кто состоит в ней много лет и с большей вероятностью подвержен усталости и эмоциональному выгоранию.

Полученная нами модель объяснила 37,0 % изучаемого признака (коэффициент детерминации Нагелькерка). Наиболее значимым фактором, влияющим на прекращение волонтерской деятельности, оказались конфликты внутри волонтерского сообщества – их наличие увеличивает вероятность выхода. Таким образом, мы принимаем первую гипотезу.

А вот переменная нехватки опыта и знаний, связанная, в том числе, с коротким периодом участия, наоборот, уменьшает вероятность прекращения волонтерства. Этот результат подтверждает нашу гипотезу о том, что саморазвитие, получение новых навыков является важным фактором, мотивирующим их заниматься волонтерской деятельностью, и снижает их намерение покинуть добровольческую деятельность. Наличие специальных навыков, особенно коммуникативных и организационных, значительно снижает и восприятие рисков спасательной деятельности добровольцами для жизни и здоровья и способствует продолжению участия в подобной деятельности.

Обсуждение и заключение. Мы использовали процессуальную модель волонтерства, чтобы охватить основные сюжеты, рассматриваемые в рамках социологии волонтерства: социально-демографический портрет волонтера, анализ мотиваций и ценностных установок, паттерны организационного участия и связанные с ними процессы самоидентификации, а также возможные долгосрочные эффекты волонтерского участия, такие как приобретение новых навыков, профессионализация участия и предпосылки для выхода или продолжения волонтерской деятельности.

Волонтерское участие в спасательной работе более характерно для работающих молодых взрослых в возрасте 30–40 лет, с высшим образованием в основном в сфере точных и естественных наук. В своей волонтерской деятельности они руководствуются мотивами саморазвития, расширения социальных связей, но не в меньшей степени и альтруизмом. Изученные нами паттерны участия выявляют высокую степень организационной вовлеченности волонтеров и значимость организации именно для добровольческой спасательной работы. На первую тенденцию указывают большие ресурсные и временные затраты участников, постепенная профессионализация волонтерской работы, а также существенные по сравнению с другими сферами волонтерства изменения в структуре социальных связей. О важности организации можно судить, исходя из данных о возможных причинах для выхода из волонтерской деятельности. Наиболее значимой из них оказалась вероятность конфликтов внутри организации и сообщества в целом. Также следует отметить значительный уровень групповой самоидентификации сообщества добровольных спасателей, не только как волонтеров, но и как обладающих рядом профессиональных и технологических преимуществ по сравнению с другими участниками данной сферы.

Данные были проанализированы нами с учетом принятого в социологии волонтерства концептуального разделения коллективного и рефлексивного стиля участия. Наше исследование показывает проблематичность вышеуказанного разделения. Действительно, современные российские волонтеры-спасатели – это чаще всего хорошо образованные профессионалы, обладающие значительной автономностью и широким горизонтом жизненных выборов, а их мотивы схожи

с теми, которые рассматриваются как часть рефлексивного стиля волонтерства. Вместе с тем организация играет в жизни добровольных спасателей гораздо более значимую роль, чем это предполагается в модели Хастинкс: значительные временные затраты и приверженность сообществу указывают на достаточно устойчивый паттерн организационного участия. Волонтеры-спасатели делают осознанный индивидуальный и в то же время альтруистический выбор, но инструментом для реализации этого выбора становится спасательная организация – сложный организм, включающий в себя ресурсы, инфраструктуру, совокупность правил, обязательств и договоренностей. В такой организации, как и в любой другой, возможна профессиональная и моральная¹⁵ карьера. Мы предполагаем, что затраты на построение такой карьеры еще больше увеличивают значимость организации для волонтера. Для подтверждения этой гипотезы необходимы исследования, включающие диахронный анализ вступления и продолжения волонтерской деятельности, а также анализ качественных данных об участии в спасательных организациях.

Помимо приращения знаний об исследуемой группе, наша работа также была нацелена на то, чтобы показать, что данная группа может быть эффективным актором в системе реагирования на чрезвычайные ситуации, которой представители официальных служб спасения могут доверять определенные функции, а не быть помехой, создающей дополнительные риски из-за отсутствия необходимого опыта. Учитывая потенциальную пользу от участия добровольных спасателей в процессе реагирования на чрезвычайные ситуации и динамику развития данного направления волонтерства (в текущее время практически в каждом регионе России уже есть официальные соглашения о сотрудничестве между МВД, МЧС, СК и различными добровольными поисково-спасательными отрядами), в практическом плане результаты исследования могут быть использованы для привлечения новых волонтеров, разработки мер по увеличению уровня мотивации уже задействованных добровольцев, подготовки регламентов и рекомендаций по взаимодействию волонтеров с официальными службами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башева О. А., Невский А. В. Социально-демографический портрет волонтера, участвующего в реагировании на чрезвычайные ситуации // ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. С. 10–31. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2>
2. Hustinx L., Cnaan R. A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2010. Vol. 40, issue 4. Pp. 410–434. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x>
3. Overgaard C. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. Vol. 48, issue 1. Pp. 128–145. <https://doi.org/10.1177/0899764018809419>
4. Snyder M., Omoto A. M. Volunteerism: Social Issues Perspectives and Social Policy Implications // Social Issues and Policy Review. 2008. Vol. 2, issue 1. Pp. 1–36. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2008.00009.x>
5. Einolf C., Chambre S. M. Who Volunteers? Constructing a Hybrid Theory // International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. 2011. Vol. 16, issue 4. Pp. 298–310. <https://doi.org/10.1002/nvsm.429>

¹⁵ Lois J. Socialization to Heroism: Individualism and Collectivism in a Voluntary Search and Rescue Group // Social Psychology Quarterly. 1999. Vol. 62, no. 1. Pp. 17–35. <https://doi.org/10.2307/2695853>

6. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003. Vol. 14, no. 2. Pp. 167–187. <https://doi.org/10.1023/A:1023948027200>
7. Beck U., Bonss W., Lau C. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20, issue 2. Pp. 1–33. <https://doi.org/10.1177/0263276403020002001>
8. Hustinx L. Brave New Volunteers? The Value of Paid and Unpaid Work for Flemish Red Cross Volunteers // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2007. Vol. 18, no. 1. Pp. 73–89. <https://doi.org/10.1007/s11266-007-9032-x>
9. Тихонова Н. Е. Специалисты в современной России: социально-демографические особенности состава и ключевые проблемы // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26, № 3. С. 64–89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>
10. Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // *Вестник Института социологии*. 2017. Т. 8, № 2. С. 140–165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>
11. Wilson J. Volunteerism Research: A Review Essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41, issue 2. Pp. 176–212. <https://doi.org/10.1177/0899764011434558>
12. Dempsey-Brench K., Shantz A. Skills-Based Volunteering: A Systematic Literature Review of the Intersection of Skills and Employee Volunteering // *Human Resource Management Review*. 2022. Vol. 32, issue 4. Article no. 100874. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2021.100874>
13. Allen J. A., Mueller S. L. The Revolving Door: A Closer Look at Major Factors in Volunteers' Intention to Quit // *Journal of Community Psychology*. 2013. Vol. 41, issue 2. Pp. 139–155. <https://doi.org/10.1002/jcop.21519>
14. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors // *Australian Journal of Emergency Management*. 2011. Vol. 26, issue 1. Pp. 18–23. URL: <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.805876988065509> (дата обращения: 15.02.2023).
15. Воронина Н. С. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12, № 3. С. 87–107. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752>
16. Гоманова С. О. Сложности волонтерской деятельности в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации // *ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность*. 2021. № 3. С. 88–94. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.8>

Поступила 31.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 06.04.2023.

Об авторах:

Башева Ольга Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>, olgausacheva@yandex.ru

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1206-8569>, anevskij@gmail.com

Воронина Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8859-6803>, navor@bk.ru

Ермолаева Полина Олеговна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1); доцент Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 23/6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7522-9537>, polina.ermolaeva@gmail.com

Гоманова Сильвия Олеговна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1); доцент Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева

(125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 9, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0192-8404>, silvia_gomanova@mail.ru

Ермолаева Юлия Вячеславовна, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>, mistelfrayard@mail.ru

Гречаная Анна Александровна, магистр социологических наук, старший лаборант-исследователь с высшим образованием Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9430-8097>, njuta-gel@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

О. А. Башева – научное руководство; развитие методологии; сбор данных; подготовка начального варианта текста; формализованный анализ данных; анализ и доработка текста.

А. В. Невский – развитие методологии; подготовка начального варианта текста; сбор данных; формализованный анализ данных; визуализация данных в тексте.

Н. С. Воронина – развитие методологии; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

П. О. Ермолаева – сбор данных; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

С. О. Гоманова – сбор данных; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

Ю. В. Ермолаева – сбор данных; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

А. А. Гречаная – сбор данных; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Basheva O.A., Nevsky A.V. [Socio-Demographic Portrait of a Volunteer Involved in Responding to Emergencies]. *INAB. Rossiiskoe volonterstvo v chrezvychainykh situatsiyakh: portret, motivy, deyatelnost'*. 2021;(3):10–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2>
2. Hustinx L., Cnaan R.A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2010;40(4):410–434. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x>
3. Overgaard C. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2019;48(1):128–145. <https://doi.org/10.1177/0899764018809419>
4. Snyder M., Omoto A.M. Volunteerism: Social Issues Perspectives and Social Policy Implications. *Social Issues and Policy Review*. 2008;2(1):1–36. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2008.00009.x>
5. Einolf C., Chambre S.M. Who Volunteers? Constructing a Hybrid Theory. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2011;16(4):298–310. <https://doi.org/10.1002/nvsm.429>
6. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003;14(2):167–187. <https://doi.org/10.1023/A:1023948027200>
7. Beck U., Bonss W., Lau C. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme. *Theory, Culture & Society*. 2003;20(2):1–33. <https://doi.org/10.1177/0263276403020002001>
8. Hustinx L. Brave New Volunteers? The Value of Paid and Unpaid Work for Flemish Red Cross Volunteers. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2007;18(1):73–89. <https://doi.org/10.1007/s11266-007-9032-x>
9. Tikhonova N.E. Specialists in Modern Russia: Socio-Demographic Composition and Key Problems. *Sociological Journal*. 2020;26(3):64–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>
10. Tikhonova N.E. Human Capital of Professionals and Managers: The Condition and Dynamic. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2017;8(2):140–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>
11. Wilson J. Volunteerism Research: A Review Essay. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012;41(2):176–212. <https://doi.org/10.1177/0899764011434558>

12. Dempsey-Brench K., Shantz A. Skills-Based Volunteering: A Systematic Literature Review of the Intersection of Skills and Employee Volunteering. *Human Resource Management Review*. 2022;32(4):100874. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2021.100874>
13. Allen J.A., Meuller S.L. The Revolving Door: A Closer Look at Major Factors in Volunteers' Intention to Quit. *Journal of Community Psychology*. 2013;41(2):139–155. <https://doi.org/10.1002/jcop.21519>
14. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors. *Australian Journal of Emergency Management*. 2011;26(1):18–23. Available at: <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.805876988065509> (accessed 15.02.2023).
15. Voronina N.S. Motivating Volunteers in Emergencies. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2021;12(3):87–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752>
16. Gomanova S.O. [Complexities of Volunteering in a Risk-Prone Area]. *INAB. Rossiiskoe volonterstvo v chrezvychaynykh situatsiyakh: portret, motivy, deyatel'nost'*. 2021;(3):88–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.8>

Submitted 31.01.2023; revised 27.03.2023; accepted 06.04.2023.

About the authors:

Olga A. Basheva, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>, olgaasacheva@yandex.ru

Andrey V. Nevsky, Junior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1206-8569>, anevskij@gmail.com

Natalya S. Voronina, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8859-6803>, navor@bk.ru

Polina O. Ermolaeva, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 Bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation); Associate Professor, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (23/6 Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7522-9537>, polina.ermolaeva@gmail.com

Silvia O. Gomanova, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation); Associate Professor, Mendeleev University of Chemical Technology (9 Bld. 1 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0192-8404>, silvia_gomanova@mail.ru

Yulia V. Ermolaeva, Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>, mistelfrayard@mail.ru

Anna A. Grechanaya, Master of Science in Sociology, Senior Research Laboratory Assistant with Higher Education, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9430-8097>, njuta-gel@yandex.ru

Contribution of the authors:

O. A. Basheva – scientific management; development of methodology; data collection; initial text preparation; formalized data analysis; analysis and revision of the text.

A. V. Nevsky – development of methodology; initial text preparation; data collection; formalized data analysis; visualization of data in the text.

N. S. Voronina – development of methodology; formalized data analysis; initial text preparation.

P. O. Ermolaeva – data collection; formalized data analysis; initial text preparation.

S. O. Gomanova – data collection; formalized data analysis; initial text preparation.

Yu. V. Ermolaeva – data collection; formalized data analysis; initial text preparation.

A. A. Grechanaya – data collection; formalized data analysis.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.